

Сергей Николаевич Южаков

Михаил Сперанский. Его жизнь и общественная деятельность

Жизнь замечательных людей (ЖЗЛ от Павленкова)

Сергей Южаков

**Михаил Сперанский. Его жизнь
и общественная деятельность**

«Public Domain»

Южаков С. Н.

Михаил Сперанский. Его жизнь и общественная деятельность /
С. Н. Южаков — «Public Domain», — (Жизнь замечательных
людей (ЖЗЛ от Павленкова))

Эти биографические очерки были изданы около ста лет назад в серии «Жизнь замечательных людей», осуществленной Ф.Ф.Павленковым (1839-1900). Написанные в новом для того времени жанре поэтической хроники и историко-культурного исследования, эти тексты сохраняют ценность и по сей день. Писавшиеся «для простых людей», для российской провинции, сегодня они могут быть рекомендованы отнюдь не только библиофилам, но самой широкой читательской аудитории: и тем, кто совсем не искушен в истории и психологии великих людей, и тем, для кого эти предметы – профессия.

Содержание

Глава I. Воцарение Александра I и возвышение Сперанского	7
Конец ознакомительного фрагмента.	13

С. Н. Южаков
Михаил Сперанский
Его жизнь и общественная деятельность
Биографический очерк
С портретом М. М. Сперанского,
гравированным в Лейпциге Геданом

Глава I. Воцарение Александра I и возвышение Сперанского

Отзыв Пушкина о Сперанском и начало правления Александра I. – Общая радость при его воцарении. – Оды Державина и Карамзина. – Общие ожидания и надежды. – Записка Каразина. – Намерения Александра. – Неофициальный комитет. – Задачи нового правительства. – Роль Сперанского. – Происхождение и рождение. – Родители и родные. – Детство и воспитание. – Владимирская семинария. – Александро-Невская главная семинария (духовная академия). – Профессорство и литературные опыты. – Секретарство у Куракина. – Воцарение Павла и служба при генерал-прокурорах. – Служебные успехи. – Личная жизнь и характеристика

“В прошлое воскресенье я обедал у Сперанского, – отмечает Пушкин в своем дневнике (2 апреля 1834 года). – Я говорил ему о прекрасном начале царствования Александра: *Вы и Аракчеев стоите в дверях противоположных этого царствования, как гении зла и блага*”. Так характеризует нам поэт значение своего знаменитого современника. “Гений блага” в начале царствования Александра I, начале, столь богатом благими начинаниями, – этим очень много сказано, и художественная образность этой метафоры только ярче, рельефнее выступает от сопоставления с “гением зла”, стоящим у противоположных дверей того же правления. А что такое было начало царствования нового императора Александра I и как оно понималось и принималось современниками, об этом единогласно свидетельствуют все источники и все исследования.

Весть о вступлении императора Александра на престол “была в целом государстве, – по словам Карамзина, вестью искупления; в домах, на улицах люди плакали, обнимали друг друга, как в день Светлого Воскресенья”. “В России Император Новый!” – восклицал тот же Карамзин в стихах, написанных по этому случаю:

*Так милое весны явленье
С собой приносит нам забвеньё
Всех мрачных ужасов зимы:
Сердца с природой расцветают
И плод во цвете предвкушают.
Весна у нас, с Тобою мы.*

Это упоминание о “*мрачных ужасах зимы*”, которые должны быть забыты с воцарением Александра, еще недвусмысленнее находим у Державина в оде на это воцарение:

*Умолк рев Норда сиповатый,
Закрылся грозный, страшный взгляд, —*

и поэтому-то “на лицах россов радость блещет”.

“Серьезное, конечно, соединялось с мелочным и пошлым”, – замечает об этом времени А. Н. Пыпин. “В первые моменты царствования, – рассказывает Саблуков, – общество предалось необузданной ребяческой радости. Как только узнали о смерти Павла, тотчас исчезли косички и букли, явилась строго прежде запрещенная прическа а la Titus, круглые шляпы и сапоги с отворотами; дамы оделись в новые костюмы, на улицах понеслись экипажи с запрещенною и еще не дозволенною вновь упряжью”. По другим рассказам, “Зубов, вскоре после катастрофы, устроил для своих сотоварищей оргию, на которой явился во фраке и жилете

и метал банк, что строго было запрещено при Павле, – как будто весь переворот нужен был только для возвращения той нравственной разнузданности, к которой высшее барство привыкло при Екатерине”. Но, конечно, не все были только Зубовы, и та сословная оппозиция императору Павлу, которая сложилась к концу его правления, заключала в себе и Зубовых и Паниных. Последний – граф Никита Петрович, племянник известного Н. И. Панина, имел широкие преобразовательные планы. Но от этой оппозиции “желавшие только перемены государя, – замечает Фонвизин, – были награждены; искавшие прочного устройства отдалены навек”. Оппозиция (или часть ее) имела задачу “прочное устройство”. Александр не одобрил на этот раз ее стремлений, но не потому, чтобы в то время не разделял их. В минуту его воцарения это была общая ходячая мысль, которою увлекались даже консерваторы, вскоре с ужасом отшатнувшиеся от первых шагов ее осуществления.

Державин в упомянутой уже оде на воцарение Александра восклицает:

*Народны вздохи, слезны токи,
Молитвы огорченных душ,
Как пар возносятся высокий
И зарождают гром средь туч:
Он вертится, падет внезапно
На горды зданиев главы.
Внемлите правде сей стократно,
О власти сильные, и вы!
Внемлите и теснить блюдитесь
Вам данный управлять народ.*

Карамзин не менее, если не более, консерватор, чем Державин, выражается еще определеннее:

*Короны блеском ослепленный,
Другой в подвластных зрит рабов;
Но Ты, душою просвещенный,
Не терпишь стука их оков.
Тебе одна любовь прелестна;
Но можно ли рабу любить?
Ему ли благодарным быть?
Любовь со страхом не совместна:
Душа свободная одна
Для чувств ее сотворена.
Сколь необузданность ужасна,
Столь ты, свобода, нам мила
И с пользою царей согласна,
Ты вечно славой их была.
Свобода там, где есть уставы,
Где добрый не боясь живет;
Там рабство, где законов нет,
Где гибнет правый и неправый.*

В заключение ода рекомендовала Александру: “Трудись, давай уставы нам – и будешь первый по делам”. Если старое консервативное поколение, еще не оправившееся от “мрачных ужасов зимы” и еще не позабывшее “рев Норда сиповатый”, заговорило этим языком, то чая-

ния и желания молодого поколения были много определеннее и шли дальше. “Через несколько дней по воцелении на престол Александра, – читаем мы у В. И. Семева, – была найдена во дворце восторженная записка, в которой, между прочим, выражались следующие чаяния от нового императора: “Он даст нам непреложные законы... Он повелит в пространстве России избрать старцев, достойных беспредельнейшей доверенности своих сограждан, и, поставив их вне сферы честолюбия и боязни, уделить им весь избыток своей власти, да охраняют святая святых отечества... Он первый употребит самовластие на обуздание самовластия; первый, кто по чистейшему движению сердца пожертвует человечеству собственными выгодами!.. Он обеспечит права человечества в помещичьих крестьянах, введет у них собственность, поставит пределы их зависимости”. Автором записки был В. Н. Каразин, поощренный Александром в его идеях. Таковы были задачи и надежды, с которыми встречено было новое царствование. Таковы же были задачи и надежды, с которыми и сам молодой император принимал бразды правления после того, как так быстро, по выражению Державина, “закрылся грозный, страшный взгляд”.

“Я никогда не буду в состоянии привыкнуть к идее царствовать деспотически”, – писал Александр вскоре по воцелении своему воспитателю Лагарпу, с ранней юности заложившему в его душу любовь к свободе и отвращение к произволу. Идея преобразовать правление в России была прямым следствием этого настроения, и мы имеем в воспоминаниях князя Адама Чарторыйского, состоявшего при Александре в последние годы правления Екатерины II, весьма интересное свидетельство: “Великий князь (то есть Александр), – читаем мы у А. Н. Пыпина, – с самого начала оказывал внимание Чарторыйскому и, выбрав случай для интимного разговора, высказал ему симпатию, которую внушало ему положение братьев Чарторыйских при дворе (бывших чем-то вроде заложников), спокойствие и покорность судьбе, какие они обнаруживали; говорил, что он угадывал и разделял их чувства, считал нужным не скрывать от них своих мнений, которые не похожи на мнения императрицы и двора, что он не разделяет ее политики, сожалеет о Польше, что Костюшко в его глазах есть великий человек по своей добродетели и по справедливости дела, которое он защищал”. “Он признавался мне, – продолжает Чарторыйский, – что он ненавидит деспотизм везде и каким бы образом он ни совершался, что он любит свободу и что она должна равно принадлежать всем людям, что он принимал живейший интерес во Французской революции, что он хотя и осуждал ее страшные заблуждения, но желал успехов республике и радуется им... Его мнения были мнения юноши 1789 года, который хотел бы видеть повсюду республики и считает эту форму правления единственно сообразной с желаниями и правами человечества”.

С такими идеями и с таким настроением находим мы Александра в последний год правления Екатерины, к которому относятся эти беседы с Чарторыйским. Краткое, но поучительное правление Павла, за тем последовавшее, не могло ослабить в молодом и впечатлительном принце наклонности к этим идеям и планам. Если такие консерваторы, как Карамзин, заговорили о свободе и уставах как прямом выводе из последних четырех лет нашего XVIII века, если при самом дворе возникла и сложилась та активная оппозиция, о которой мы упомянули выше, то на Александре, в душе которого почва была гораздо более приготовлена к освободительным идеям, эти, по выражению Карамзина, “мрачные ужасы зимы” должны были оставить более глубокий след и укрепить его намерения преобразовать Россию. “Здесь, – писал он об этой эпохе Лагарпу, – капрал предпочитается человеку образованному и полезному”. Александр воцарился с надеждою сделать невозможным повторение такого порядка. “Вступление на престол Александра I обещало России светлое будущее, – пишет профессор Иконников. – Уже в начале мая 1801 года он имел совещание с близкими людьми о необходимости преобразования политического строя государства, а в июне того же года открылись заседания *неофициального комитета* по разным вопросам предполагаемой реформы. Членами означенного комитета были: В. П. Кочубей, Н. Н. Новосильцев, князь Адам Чарторыйский и граф П. А.

Строганов”. Кочубей, попавший в опалу в последнее время правления императора Павла, был вызван из провинции немедленно по воцарении Александра, а Новосильцев и Чарторыйский – из-за границы, где первый состоял при русском посольстве в Лондоне, а второй – при Сардинском короле (бывшем тогда королем без королевства, ибо последнее отняли у него французы). “Комитет составил, по желанию императора, из лиц, удостоившихся доверия, для некоторого сотрудничества с ним в систематической работе над реформой “*de l'edifice informe du gouvernement de l'Empire*”¹ (как значит в протоколах этого комитета). Работа должна была начаться обозрением настоящего состояния разных частей управления и затем решено было “предпринять реформу всех различных частей администрации *et enfin couronner ces differentes institutions par une garantie, offerte dans une constitution reglee d'apres le veritable esprit de la Nation*”². Это последнее и было господствующей мыслью Александра, сочувствие к которой он находил в своих сотрудниках.

Вот с какими задачами, планами и надеждами открывалось царствование Александра I, и в это-то время, по выражению Пушкина, Сперанский явился “гением блага”, самым выдающимся и значительным государственным деятелем. Обратимся же теперь к изучению этой интересной личности и еще более интересной деятельности ее.

В небольшой захолустной деревушке Черкутино Владимирской губернии и уезда, вотчине князей Салтыковых, у бедного приходского священника Михаила Васильева, не имевшего даже родового прозвища, и жены его Прасковьи Федоровой, дочери местного дьякона, родился 1 января 1772 года сын Михаил, впоследствии, при поступлении в семинарию, получивший фамилию Сперанского и под этим именем вписавший себя и свой скромный род в историю XIX века. Род этот, по словам самого Сперанского, передаваемым И. И. Дмитриевым, известным баснописцем и министром юстиции в эпоху Сперанского, происходил из Малороссии, где один из его предков был хорунжим в малороссийском казачьем войске. Биограф Сперанского, барон М. А. Корф сомневается, впрочем, в достоверности этого предания. Достоверно известно только, что дед Сперанского, священник Василий, священствовал в том же Черкутине; что сын его, а Сперанского отец, Михаил был сначала дьяконом там же, и за год до рождения будущего государственного деятеля, в 1771 году, получил там же священническое место. Детей отец Михаил имел немало, но вырастил немногих, – двух сыновей, Михаила (родившегося четвертым, но выросшего вторым после сестры Марии) и Кузьму, и двух дочерей, Марию и Марфу.

Родители Сперанского были люди вполне заурядные, ничем не выдававшиеся в той среде, в которой жили и действовали. Отец был известен своим огромным ростом и тучностью, за что и получил от своих прихожан прозвище Омета, и отличался, по словам барона Корфа, добродушием, “очень обыкновенным, почти ограниченным умом” и отсутствием всякого образования. Священник трезвый и исполнительный, он многие годы исправлял должность благочинного, а в 1797 году, по болезни и старости, оставил место, которое от него по наследству получил его зять, священник, впоследствии протоиерей, Михаил Федорович Третьяков, женатый на его младшей дочери Марфе (старшая дочь Мария была замужем за дьячком Петровым). Скончался отец Сперанского 28 мая 1801 года, как раз в то время, когда новое царствование открывало новые перспективы его старшему сыну, уже и тогда человеку чиновному. Сановником своего сына старику увидеть не пришлось. Зато мать видела его и на высоте первого сановника империи, и в опале и ссылке, и снова на высоте. Она умерла 24 апреля 1824 года, на 84-м году жизни. Биограф Сперанского нашел о ней сказать только, что “при маленьком росте, проворная, живая, она отличалась особенной деятельностью и остротою ума; кроме того, все

¹ бесформенного здания управления империей (фр.)

² и, наконец, увенчать эти различные институты гарантией, предоставленной в конституции, установленной в нынешнем духе нации (фр.)

в околотке уважали ее за набожность и благочестивую жизнь”. Вполне естественно, что, как замечает тот же биограф, “участие родителей в деле первого воспитания их сына было самое незначительное”. Единственное, что еще можно отметить из этого раннего периода жизни Сперанского, это свидетельство его родных, что он был мальчиком слабого здоровья, склонным к задумчивости, рано выучился читать и пристрастился к чтению, которое, конечно, не могло быть разнообразно в доме бедного и малообразованного сельского священника. Семи лет он был отвезен во Владимир и отдан в семинарию, где, ввиду обнаруженных им способностей, и был записан Сперанским, то есть подающим надежды, Надеждиным.

В семинарии Сперанский учился отлично, был замечен местным архиереем, зачислен им в архиерейский хор, что считалось отличием, а ректор семинарии сделал его своим келейником (тоже отличие). В 1790 году, как лучший ученик, он восемнадцатилетним юношей был отправлен для продолжения образования в Петербург, в главную Александро-Невскую семинарию, как тогда называлась Духовная академия. Здесь тоже Сперанский был из первых учеников, особенно отличаясь в науках математических. Преподавание в этом высшем духовном училище было тогда далеко не на высоте высшего учебного заведения. Тем не менее, именно здесь окончательно дисциплинировался ум Сперанского, здесь же он овладел французским языком, открывшим ему доступ к всемирной литературе, и здесь же ему была указана эта литература одним из профессоров, большим поклонником Вольтера и Дидро. С этого времени он уже начинает изучать богатую философскую литературу XVIII века, читает Декарта, Локка, Лейбница, энциклопедистов и французских мыслителей XVIII века, до Кондильяка включительно. Ему в это время начинают поручать говорить проповеди, которые имеют большой успех, в списках хранятся слушателями и переписываются любителями.

В 1792 году Сперанский двадцати лет окончил курс и, замеченный митрополитом Гавриилом, оставлен в Петербурге профессором математики, физики и красноречия в той же главной семинарии, в которой только что окончил учение. Через три года его переводят на кафедру философии и назначают префектом семинарии. Это было знаком большого отличия со стороны митрополита, потому что до него префектами главной семинарии назначались духовные лица. К этому времени его профессорской деятельности относится завершение его философского образования и его первые литературные опыты. Это были большею частью небольшие рассуждения на философские темы. Одно из них “О силе, основе и естестве” было впоследствии, по смерти Сперанского, напечатано в “Москвитянине” за 1842 год. Кроме того, им написано в это время руководство для своих учеников по кафедре красноречия, под заглавием “Правила высшего красноречия”. Оно тоже не было напечатано при жизни Сперанского и сохранилось не вполне. На составление этого руководства можно указать не только как на признак развития умственных интересов, но и как на свидетельство особой добросовестности в исполнении своих обязанностей, которая всегда и потом отличала Сперанского.

В это же время, то есть в последние годы правления Екатерины II, произошла в жизни скромного академического профессора перемена, проложившая ему дорогу на совершенно иное поприще. Одному из екатерининских вельмож, князю А. Б. Куракину, понадобился домашний секретарь для заведования его обширной служебной и частной перепискою. Митрополит Гавриил рекомендовал ему профессора Сперанского, нуждавшегося в средствах ввиду бедности его родных, которым он всегда посильно помогал. “Для испытания молодому человеку ведено было явиться однажды к восьми часам вечера, и Куракин поручил ему написать одиннадцать писем к разным лицам, употребив около часа на одно изъяснение на словах того, что следовало сказать в каждом письме. Сперанский, чтобы немедленно заняться порученным ему делом, без потери времени в переходах в отдаленную семинарию, а оттуда опять назад, остался на ночь у Иванова (своего земляка и приятеля, служившего и жившего у Куракина) и тут же написал все одиннадцать писем, так что к шести часам утра они уже лежали на столе у Куракина. Князь сперва не хотел верить своим глазам, что дело уже выполнено, а потом,

прочтя письма и видя, как они мастерски изложены, еще более изумился, расцеловал Иванова (также со своей стороны рекомендовавшего Сперанского) за приисканный ему клад и тотчас принял к себе Сперанского”. Блестящие способности, обнаруженные на этой частной службе, проложили Сперанскому дорогу и на службу государственную, когда при Павле его патрон получил большое служебное назначение.

Из этого периода частной секретарской службы у Куракина (что не мешало ему оставаться профессором и в семинарии) следует отметить не очень многое. Положение его было немногим выше старшей прислуги, с которой он и обедал и с которой сохранил и впоследствии приятные отношения. Сблизился же в это время он особенно с губернатором молодого князя, немцем Брюкнером, который очень полюбил Сперанского и проводил в беседах с ним все свободное время. Брюкнер был человек резких либеральных мнений, последователь Вольтера и энциклопедистов и вместе с тем с глубокими и многосторонними сведениями. Под его влиянием окончательно сложилось то политическое мировоззрение Сперанского, которое потом сказалось в обширных реформаторских планах при императоре Александре I. Вероятно, влиянию того же Брюкнера, пользовавшегося большим доверием князя и княгини, Сперанский обязан и тем, что ему было поручено преподавание русского языка малолетнему племяннику князя Куракина, Сергею Уварову, впоследствии графу и министру народного просвещения, навсегда сохранившему самые теплые и сердечные отношения к своему бывшему наставнику.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.